



Л.А. Нуралиева
Вологодский государственный университет

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОЭЗИИ Н.А. КЛЮЕВА

Данная статья посвящена исследованию функциональных типов фольклоризмов в поэзии Н.А. Клюева. Кроме собственно фольклорных персонажей, в статье рассматриваются прецедентные имена и общеупотребительные одушевленные существительные, получившие в текстах поэта фольклорное осмысление. Для определения фольклорного кода слова используется методика сопоставления авторского и фольклорного текстов, контекстуальный анализ. В статье представлен краткий обзор основных исследований, посвященных изучению фольклорных основ творчества Н.А. Клюева, предпринята попытка определить основные функциональные типы фольклоризмов с учетом результатов классификации фольклорной лексики в работе Л.Г. Яцкевич, а также частично затрагивается вопрос о том, считать ли творчество Н.А. Клюева результатом стилизации.

Н.А. Клюев, поэтический текст, функциональные типы фольклоризмов, фольклорные персонажи, антропонимы, мифологический код, стилизация, символизация.

Данная статья посвящена рассмотрению фольклорных персонажей в поэзии Н.А. Клюева. Основной целью нашего исследования является выявление их функциональных типов и определение их стилистического назначения в произведениях поэта. Актуальность поставленной цели обусловлена тем, что значительную часть словаря Н.А. Клюева занимают *фольклоризмы* – лексические образования, характерные для языка фольклора, которые в поэтической речи приобретают новое образное осмысление, активно участвуют в художественном построении произведений Н.А. Клюева и выражают его поэтическое мировидение. По нашим данным, поэтический словарь Н.А. Клюева [13] насчитывает более 900 фольклоризмов, в том числе 286 лексем – имен и названий фольклорных персонажей.

Фольклорные основы творчества Н.А. Клюева исследовали многие литературоведы (К.М. Азадовский, В.Г. Базанов, Е.И. Маркова, Э.Б. Мэкс, Х.М. Юхименко). В меньшей мере описаны фольклоризмы в его поэтическом языке в лингвопоэтическом аспекте, однако основы такого изучения уже заложены. Так, ряд работ посвящен фольклорным персонажам в творчестве Клюева [10; 11; 8; 17; 16; 14; 18]. Наибольший научный интерес в этой сфере представляют работы С.Н. Смольникова. В статье «Метаморфозы красоты: женские имена в поэзии Н. Клюева» автор подчеркивает народно-поэтическую значимость женских образов в творчестве поэта [17, с. 224–239]. К проблеме функционирования в фольклорном ключе прецедентного имени в поэтическом тексте он обращается в статье «Ленин: пресуппозиции и актуальная семантика антропонима в поэзии Н. Клюева» [16, с. 32–55]. Особенности концептуализации фольклорного антропонима Садко в поэтическом языке Н.А. Клюева рассматриваются в его

последней статье [15]. Автор считает, что *Садко* это – константа поэтического мира Клюева, значимая для его интерпретации. Она связана с центральной идеей клюевского творчества – идеей глубинной русской Красоты.

Попытка сравнить образы *домового* в текстах Клюева и в быличках вытеговцев предпринимается в статье А.Н. Мартюговой [11]. Сравнение образов *медведя* в творчестве Н. Клюева и в волшебной сказке представлено в статье А.С. Лызловой [8]. Эпизод встречи героини Парасковьи в поэме «Песнь о Великой Матери» автор сопоставляет с типичным сказочным сюжетом, в котором *медведь* становится похитителем женщин. Е.И. Маркова выявляла фольклорные истоки образов любимых в народе святых Николая Чудотворца и Егория (Георгия Победоносца) в поэзии Н.А. Клюева [10]. Л.Г. Яцкевич исследовала символизацию в его поэзии мифологического образа *Китоврас*. Для поэта этот мифоним является символом сказочной крестьянской Руси, Китежа и ее певцов (Есенина и Клюева) [14, с. 203–219].

Особенности функционирования терминов родства в поэзии Н. Клюева рассматриваются в кандидатской диссертации С.Х. Головкиной («Термины родства в поэзии Н. Клюева», 1999). Ключевыми в организации системы родства являются слова *мать, сын, брат, дед, отец, жених, невеста* [3]. Нужно отметить, что термины родства являются важной частью фольклорной картины мира. Фольклорный сюжет разворачивается вокруг родственных отношений. Представления о роде, о семье являются архетипичными.

Фольклоризмы – многозначный термин. В данной работе этот термин обозначает «лексические образования, значения или формы которых указывают на их принадлежность языку фольклора как подуровню общенародного языка» [7].

В данной статье рассматриваются функциональные типы фольклорных персонажей в поэзии Н.А. Клюева. При этом учитываются результаты классификации фольклорной лексики в работе Л.Г. Яцкевич [18].

1. Собственно фольклорные антропонимы

В творчестве Н.А. Клюева данный тип фольклоризмов представлен следующими лексическими группами: имена сказочных персонажей (*Аленушка, Алибаба, Елисей, Кащей и др.*), имена собственные былинных персонажей (*Вольга, Добрыня, Мамёльфа Тимофеевна, Поток и др.*), балладные имена собственные (*Кудеяр, Снафида*), архаичные фольклорные мифонимы (*Баян, Велес, Сирин и др.*). В качестве примера рассмотрим особенности употребления отдельных фольклорных антропонимов.

Аленушка – одно из ключевых женских имен в поэтических текстах Н.А. Клюева, в основе использования которого лежат фольклорные прототипы. В текстах поэта имя *Аленушка* подвергается переосмыслению и становится символом русской культуры, святости и красоты. В произведениях поэта этот персонаж участвует в развитии поэтического мотива гибели Красоты: в первую очередь гибели старой веры, святости, чистоты [14, с. 167]:

*Наша русская правда загибла,
Как Алёнушка в чарой сказке...
Забодало железное быдло
Коляду, душегрейку, салазки*

[6, с. 543–545].

Нередко фольклорные антропонимы в текстах Клюева включены в один лексический ряд на основе единой концептуальной функции. Например:

*Горыныч, Сирин, Царь Кащей, —
Всё явь родимая, простая,
И в онемелости вещей
Гнездится птица золотая*

[6, с. 226].

В данном случае *Царь Кащей*, включаясь в поэтическую текстовую парадигму вместе с именами *Горыныч* и *Сирин*, подвергается символизации: становится символом сказочной, таинственной Руси. Другими словами, в клюевском тексте этот персонаж сохраняет в качестве культурного фона предварительную информацию – фольклорную функциональную характеристику, но в поэтическом тексте он претерпевает трансформацию и получает новую функцию применительно к поэтическому сюжету.

Рассмотрим особенности методики выявления и описания собственно фольклорных антропонимов в поэзии Н.А. Клюева. Этот тип фольклоризмов существует в фольклорной системе. Их можно найти в фольклорных словарях. В нашей работе, чтобы установить принадлежность конкретного слова из поэтического словаря Н.А. Клюева к фольклорному материалу, мы использовали результаты исследований курских лингвофольклористов, в частности данные составленных ими словарей языка фольклора [2; 1]. Кроме того, мы обращались к фольклорным текстам, чтобы выявить типичные персонажные характеристи-

ки. В качестве примера рассмотрим фольклорный антропоним *Еруслан*:

*Певучей думой обуян,
Дремлю под жесткою дерюгой.
Я – королевич Еруслан
В пути за пленницей-подругой.
Мой конь под алым чепраком,
На мне серебряные латы...
А мать жужжит веретеном
В луче осеннего заката*

[6, с. 179].

Еруслан – богатырь, герой сказки «Еруслан Лазаревич». В авторском тексте характеристика *Еруслана* совпадает со сказочной: королевич – *Был некий царь Картаус (Киркоус), а у него дядя князь Лазарь Лазаревич; у того Лазаря родился сын Еруслан Лазаревич* [12, с. 352–365]; богатырь (богатырские атрибуты) – *Мой конь под алым чепраком, / На мне серебряные латы...* – отправляется спасать невесту (пленницу-подругу) – *Приезжает он в индейское государство, а там беда приключилась: стало выходить из озера чудо (змея) о трех головах и емлет всякой день по человеку: уже дошла очередь до царевны. Еруслан вызвался зацтитить ее от чуда, а царь обещал отдать ему за то дочь в супружество и с ней половину царства* [12, с. 352–365]. В тексте Клюева сохраняются и фольклорные мотивы: мотив добывания невесты/мотив похищения невесты; мотив сна. Лирическому герою снится сон, в котором он становится богатырем *Ерусланом*. Характеристики фольклорного персонажа переосмысляются и переносятся на самого лирического героя. Древний мотив сна служит соединением былого и настоящего. Через сон прослеживается мистическая связь человека с прошлым. О течении времени напоминает жужжащее веретено. Появляется образ матери-пряжи, имеющий мифологические корни и фольклорные традиции.

2. Антропоморфные мифологические персонажи

Лексический состав данного типа фольклоризмов разнообразен в словаре Клюева: *водяник 3, водяница 5, водяной 4; дед-дворовик 1; дед-мороз 1; домовиха 1, домовая 8; лесовик 5, дед-лесовой 1, лесовой 1; юдо 3 и др.* Однако стилистические функции данных фольклорных персонажей в его поэтических текстах в основном связаны с образным выражением темы сокровенной, древней тайны русского народа, противоположной современному техническому прогрессу. В стихотворении «Мне революция – не мать...» Клюев иносказательно эту мысль выражает:

*Мы – щуры, нежити, русалки –
Глядим из лазов дупел, тьмы
В густую пестроту народов
И электрических восходов,
Как новь румяных корнеплодов
Дождемся в маревах зимы*

[6, с. 557].

3. Прецедентные имена в качестве имен фольклорных персонажей

Прецедентные имена, которые функционируют в качестве имен фольклорных персонажей, представле-

ны в произведениях Клюева несколькими тематическими группами. Во-первых, это персонажи народной духовной поэзии, легендарных и сакральных текстов, соотносимых с православной традицией: имена Бога, Богородицы, имена библейских персонажей (*Человечий бранный род / Согрешил в Адаме, – / Мы омыты вместо вод / Крестными кровями; / Просиял за дальним пряслом / Бабий ангел Гавериил, / Животворным росным маслом / Вечер жнивье окропил*), имена христианских святых (*Изба засыпает. С узорной божницы / Взирает Микола и сестры Седмицы, / На матице ожила карлиц гурьба, / Топтыгин с козой и избяная резьба*). В текстах Клюева эти сакральные имена нередко включены в один лексический ряд – поэтическую парадигму, которая символизирует или тему Рая (*Там Митрий Солунский, с Миколою Влас / Святых обряжают в камлот и атлас, / Креститель Иван с ендовы расписной / Их поит живой иорданской водой*), или тему Святой Руси (*...Святыни русские вспарили, / Все в лалах, яхонтах, берилле: / Егорий ладожский, София, / Спас на Бору, Антоний с Сици / И с Верхотурья Симеон... Святая Русь отходит к славам...*).

Во-вторых, Клюев использует в фольклорном ключе прецедентные имена известных исторических лиц, ставших в устном народном творчестве фольклорными персонажами (*Борис Годунов, царевич Димитрий, Ермак, Петр Великий, царь Алексей Тишайший, Степан Разин* и др.). Так, персонаж народных песен *Степан Разин* появляется в стихотворениях поэта в 1917–1918 гг., воспевающих революцию и бунтующую народную стихию, например:

*В желтухе Царьград, в огневице Калуга,
Покинули Кремль Гермоген и Филипп,
Чтоб тигровым солнцем допарского юга
Сердца врачевать и молебственный хрип.
К Кронштадтскому молу причаляли струги, –
То Разин бурунный с персидской красой...
Отмерили год циферблатные круги,
Как Лев обручился с родимой землей.
Русские юноши, девушки, отзовитесь:
Вспомните Разина и Перовскую Софию!
В львиною красную веру креститесь,
В гибели славьте невесту-Россию!*

[6, с. 343]

4. Общеупотребительные одушевленные имена существительные в качестве названий фольклорных персонажей

Это многочисленный по лексическому составу тип фольклоризмов, представленных в поэтическом словаре Н. Клюева. К ним относятся следующие лексические группы слов, отражающих систему персонажей в фольклорных произведениях: номинация фольклорных персонажей по признаку родства (*брат, матушка, сын, вдова, теща и др.*), номинация фольклорных персонажей по их возрасту (*бабка, девица, молодец, старичок* и др.), номинация фольклорных персонажей по их социальному статусу (*боярин, царица, кузнец, пастух, разбойник* и др.), номинация фольклорных персонажей по их межличностным отношениям (*враг, гость, ладушка* и др.), фольклорные персонажи-зоонимы (*волк, медведь, кот, ястреб* и др.).

Рассмотрим, например, любимый Клюевым фольклорный персонаж – *медведя*. Образ медведя является архетипичным. В древности это тотемное животное считалось покровителем северного народа. Согласно народным поверьям, медведь был прежде человеком. Память о первопредке закреплена на гербах многих поселений. Два медведя изображены на гербе города Вытегры [10, с. 47]. Именно поэтому поэт ощущает связь с медведем. В следующем тексте медведь становится символом поэта и его творчества:

*Дремлю с медведем в обнимку,
Щекою на доброй лапе...
Дозорит леший заимку
Верхом на черном арапе...
И видят: поэт медведя
Питает кровью словесной...
Потомок счастливый Федя
Ухнется сказкой чудесной...*

[6, с. 507]

Поэт-посланник медведя доносит до людей древнее слово. Как в древности приносили жертву тотемным животным, так и поэт *питает словесной кровью* медведя. Подобно колдуну, поэту доступна таинственная архаичная сторона жизни: *Слывя колдуном в округе, / Я – пестун красного клада*. Леший, медведь и сказка – символы древнего первозданного мира, словесного таинства, доступного лишь поэту. В стихотворении развивается мотив особой роли, исключительности поэта.

5. Мифотворчество Н.А. Клюева и его персонажи-мифонимы

В произведениях Клюева выстраивается традиционная, мифопоэтическая картина мира, присущая сознанию русского крестьянства и сочетающая в себе элементы языческих верований и христианского мировоззрения. Именно поэтому в текстах поэта даже совершенно нетипичный для народного творчества персонаж нередко представлен поэтом в фольклорном стилистическом ключе. Таким образом, следует говорить о фольклоризмах еще одного функционального типа: *функциональных фольклоризмах* – прецедентных именах, получивших фольклорное осмысление только в произведениях Н.А. Клюева. Следуя фольклорной и мифопоэтической традициям, поэт создает, например, образы своих современников – Есенина, Распутина, Ленина и свой автопортрет.

Трудность выявления подобных фольклоризмов объясняется тем, что мифологический код присваивается прецедентному имени. У слова появляется денотативная неопределенность: оно полностью или частично перестает соотноситься с конкретным предметом реального мира. Исследование того, как прецедентное имя приобретает фольклорное и мифопоэтическое значение, дано в статье С.Н. Смольникова «Ленин: пресуппозиции и актуальная семантика антропонима в поэзии Н. Клюева» [16, с. 32–56]. Автор статьи замечает, что имя собственное *Ленин* в поэзии Клюева претерпевает ассоциативное и концептуальное осложнение значения. Поэт мифологизирует образ *вождя*, используя традиционные мифопоэтические мотивы и сюжеты (мотив священного брака, мо-

тив разрушения вселенной, мотив биологического зачатия мира и др.). Н.А. Клюев создает космогонический миф, в котором Ленин является вождем-демиургом революционного мира [16].

«В Песне о Великой Матери» поэт творит и собственное генеалогическое предание, в котором используется характерный для преданий мотив происхождения от мифического или мифолого-эпического персонажа (*воина-исполина*):

*По ранне-синим половодьям,
К сѣмужсьим плѣсам и угодьям
Пристала крытая ладь.
И вышел воин исполин
На материк в шелоде – клювом,
И лопь прозвала гостя **Клюев** –
Чудесной шапке на помин!
Вот от кого мой род и корень...*

[6, с. 701]

* * *

Творчество Н. Клюева является уникальным явлением русской культуры. Тексты поэта, впитавшие в себя ценности древней славянской культуры, близки по своей поэтике и словарю к фольклорным текстам. Именно поэтому некоторые исследователи ошибочно считают, что поэтическое творчество Н. Клюева является примером удачной стилизации [5; 9]. Неоспорим тот факт, что поэты и писатели Серебряного века прибегали к стилизации. Удачные фольклорные стилизации можно найти у К. Бальмонта («Заклинание», «Заговор от двенадцати девиц», «Наговор на недруга»), раннего С. Городецкого (сборник «Ярь»), А. Блока (цикл «Пузыри земли») и др. Тяга к стилизации – к использованию стилистических приемов другого времени, обращение к «чужим» авторским стилям, стилизация элементов формы другого искусства – была явлением, в значительной степени определившим своеобразие литературно-художественного процесса рубежа веков. В этот период через стилизацию искусство ищет новые художественные средства для отражения новой действительности, пытается обрести новый, «свой» стиль [4].

Однако существует и иная точка зрения на фольклоризм поэтики Н.А. Клюева. Мы вслед за Н.М. Солнцевой и Е.И. Марковой, известными исследователями его творчества, считаем, что поэтические тексты Клюева не являются результатом стилизации. Поэт использует фольклорные образы и персонажи не для воспроизведения типичных фольклорных сюжетов, а для изображения современной поэту эпохи. В соответствии с художественным замыслом фольклорные персонажи в произведениях Н. Клюева подвергаются индивидуально-авторской концептуализации и выступают как культурные символы, отражающие специфику осмысления действительности поэтом.

Литература

1. Бобунова, М.А. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. – Курск: Издательство Курского государственного университета, 2006.

2. Бобунова, М.А. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. – Курск: Издательство Курского государственного университета, 2001.

3. Головкина, С.Х. Термины родства в поэзии Н. Клюева: автореф. дис... канд. филол. наук / Головкина С.Х. – Вологда, 1999.

4. Журавлева, Н.В. Художественные функции стилизации в романе серебряного века: автореф. дис... канд. филол. наук / Журавлева Н.В. – Воронеж, 2004.

5. Казаркин А.П. Стилизация и мифотворчество: этапы творческой эволюции Н.А. Клюева / А.П. Казаркин // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 11–15.

6. Клюев, Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н.А. Клюев. – Санкт-Петербург: Русский гуманитарный христианский институт, 1999.

7. Костина, А.Г. Фольклорные элементы в лексической структуре художественных текстов Валентина Распутина: к истокам российской ментальности: автореф. дис... канд. филол. наук / Костина А.Г. – Санкт-Петербург, 2011.

8. Лызлова, А.С. Волшебство-сказочный образ медведя в контексте поэзии Н.А. Клюева / А.С. Лызлова // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Международной конференции «Олонекские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». – Петрозаводск, 2006. – С. 254–269.

9. Мануковская, Т.В. Эволюция фольклорно-мифологических образов и мотивов в поэзии Николая Клюева: дис. ... канд. филол. наук / Мануковская Т.В. – Воронеж, 2007.

10. Маркова, Е.И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства / Е.И. Маркова. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1997.

11. Мартюгова А.Н. Сравнительная характеристика образа «хозяина дома» в творчестве Н.А. Клюева и в быличках вытегорцев / А.Н. Мартюгова // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Международной конференции «Олонекские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». – Петрозаводск, 2006. – С. 256–263.

12. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – Москва: Наука, 1984–1985.

13. Поэтический словарь Николая Клюева / сост. М.В. Богданова, С.Б. Виноградова, С.Х. Головкина, С.Н. Смольников, Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2007. – Выпуск 1: Частотные словоуказатели.

14. Смольников, С.Н. На золотом пороге немеркнувших времен: Поэтика имен собственных в произведениях Н. Клюева / С.Н. Смольников, Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2006.

15. Смольников, С.Н. Концептуализация фольклорного антропонима Садко в поэтическом языке Н. А. Клюева / С.Н. Смольников // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.В. Симашко. – Архангельск: Изд-во Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, 2013. – Вып. 6. – С. 335–343.

16. Смольников, С.Н. Ленин: пресуппозиции и актуальная семантика антропонима в поэзии Н. Клюева / С.Н. Смольников // Клюевский сборник. – Вологда: Легия, 2002. – Выпуск III. – С. 32–56.

17. Смольников, С.Н. Метаморфозы красоты: женские имена в поэзии Н. Клюева / С.Н. Смольников // Вытегра: краеведческий альманах. – Вологда: Легия, 2000. – Вып. 2. – С. 224–239.

18. Яцкевич, Л.Г. Фольклоризмы в поэзии Н.А. Клюева / Л.Г. Яцкевич // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В.Я. Проппа. – Петрозаводск, 2015.

FUNCIONAL TYPES OF FOLKLORE CHARACTERS IN NIKOLAY KLYUEV'S POETRY

This article presents the study of functional types of 'folklorisms' in N.A. Klyuev's poetry. Besides folklore characters, the article explores the precedent names and commonly used animate nouns which are given through a folklore understanding in the texts of the poet. To determine folklore code of the words, a comparative method of Klyuev's texts with folklore texts and context analysis is employed. The article provides a brief overview of some basic research on folklore foundations of N. Klyuev's creativity, an attempt to define the main functional types of folklorisms on the base of the folklore vocabulary classification by L.G. Yatskevich, and partially the question whether the N. Klyuev's poetry can be considered as a result of stylization.

N.A. Klyuev, poetic text, functional types of folklorisms, folklore characters, anthroponomy, mythological code, stylization, symbolization.

УДК 811.134.2



A.A. Терещук
Университет Барселоны

ФЕНОМЕН «SESEO» В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ В КАТАЛОНИИ

В статье рассматриваются некоторые особенности произношения представителей русскоязычной диаспоры в Испании, в автономном сообществе Каталония. Обращается внимание на распространенность феномена «seseo» в речи переселенцев из России, проживающих в Каталонии и относящихся к первому поколению эмигрантов. Уточняется понятие «seseo», уделяется внимание присутствию данного явления в испанском дискурсе некоторых жителей Каталонии. Отмечается влияние каталанского языка, а также говоров Андалусии и Эстремадуры на испанский язык в Каталонии. Затрагивается проблема выбора произносительной нормы испанского языка, которая может быть использована в процессе изучения испанского как иностранного. Данный выбор связывается с распространением «seseo» в различных регионах Испании и Латинской Америки. Рассматривается несколько точек зрения на выбор в пользу «seseo» или дифференциации [θ] и [s] для носителей русского языка, изучающих испанский. Данная статья основывается на результатах опроса, в котором приняло участие 40 информантов, относящихся к исследуемой категории эмигрантов. Анализ произношения информантов строится на изучении аудиозаписей чтения вслух заданного отрывка текста (476 слов) и разговора на свободную тему на испанском языке. Средняя продолжительность каждой беседы составила около 60 минут. Отмечаются различия в речевом поведении информантов между чтением вслух и разговором. Наблюдается тенденция к увеличению доли реализаций с «seseo» в процессе перехода от чтения вслух к разговору. Выявляются различия между произношением мужчин и женщин, показывается, что феномен «seseo» более характерен для мужской речи, чем для женской. Анализируется влияние уровня образования на появление в речи явления «seseo». Наблюдается преобладание «seseo» в речи информантов, не имеющих высшего образования; в то же время значительный процент информантов с высшим образованием дифференцируют [θ] и [s].

«Seseo», язык русских эмигрантов, преподавание испанского языка, испанский язык в Каталонии.

Феномен «seseo» («сесео»¹), то есть «замена звука [θ] (c, z) на [s]»² [17, с. 94], является характерной чертой испанского языка в Латинской Америке и в некоторых регионах Испании. В то время как дифферен-

циация (distinción) [θ] и [s] наблюдается в речи приблизительно у 10% носителей испанского языка [21, с. 329], произношение остальных 90% отмечено отсутствием фонемы [θ]. Даже в регионах, уроженцы которых традиционно склоняются к дифференциации, существуют группы населения, в речи которых встречается «seseo». Эти группы могут состоять из мигрантов (носителей испанского языка, говорящих с «seseo»), или иностранцев, для которых испанский является вторым языком) или принадлежать к тем или иным социальным слоям, чье произношение отличается от нормы, характерной для данной территории. В качестве примера подобной группы населения

¹ В данной статье представляется оправданным следовать традиции большинства русскоязычных работ и в дальнейшем использовать написание термина «seseo» в испанской орфографии (см., например, [5, с. 182]). Написание «сесео» кириллицей может привести к путанице с явлением «сесео» (исп.), характерной черты консонантизма некоторых говоров на юге Испании. «Сесео» заключается в замене фонемы /s/ на /θ/, то есть речь идет о процессе, противоположном «seseo».

² Здесь и далее перевод наш – А. Т.